

Марина
СЕРОВА

Десять заповедей
мертвеца

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Телохранитель Евгения Охотникова

Марина Серова

Десять заповедей мертвеца

«ЭКСМО»

2015

Серова М. С.

Десять заповедей мертвеца / М. С. Серова — «Эксмо»,
2015 — (Телохранитель Евгения Охотникова)

ISBN 978-5-699-80670-6

О Светлане Кричевской, известной в городе бизнес-леди, ходят самые неприятные слухи. Говорят, со своими бывшими партнерами и конкурентами она расправляется без какой-либо жалости. Но, судя по всему, теперь Светлане самой грозит опасность. Ведь не просто же так она решила нанять для собственной защиты самого лучшего телохранителя – Евгению Охотникову. Бизнес-леди просто в панике – любимый и единственный сын, надежда и гордость матери, решил взять в жены бедную девушку-сироту, только недавно вышедшую из стен интерната. И в этом тактичном деле Светлана надеется лишь на Женю Охотникову...

ISBN 978-5-699-80670-6

© Серова М. С., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Марина Серова
Десять заповедей мертвеца

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Глава 1

Ну почему со мной всегда так? Стоит выйти из дома – ну просто шаг сделать за порог, как жизнь становится насыщенной и интересной. До того интересной и насыщенной, что прямо-таки не знаешь, куда и спрятаться.

К примеру, в прошлом году я вышла из дома, чтобы прогулять собачку Пунечку – бело-снежное дрожащее существо, обладающее высоким интеллектом. Собачка принадлежала моей соседке-пенсионерке. День был морозный, под ногами гололед, и я решила сделать соседке приятное, избавив старушку от необходимости выходить на улицу – предложила выгулять собачку. И что же? Не прошло и суток, как я уже убегала по крышам в Мумбаи, отстреливаясь от религиозных фанатиков. А Пунечка, поджав лапки и вытаращив от ужаса глаза, висела у меня под мышкой...

А позапрошлым летом? О, я еще не забыла того, что случилось позапрошлым летом! Я отправилась на прием по случаю юбилея одной переводчицы. Прием в загородном поместье, на берегу озера, вышколенные официанты разносят шампанское, играет живая музыка, и огоньки иллюминации отражаются в зеркальной глади воды... А через пару часов я получаю под свое, так сказать, крыло ребенка-аутиста. Ну не могу же я отказать в последнем желании его матери?! И вот я уже везу через полмира парнишку, который не выносит музыки, не переносит красный цвет и не терпит, когда к нему кто-нибудь прикасается. Кстати, там дело тоже едва не закончилось стрельбой.

А сегодня? Стоило мне выйти в аптеку за лекарством, как я уже ухитрилась влипнуть в историю!

Утро вовсе не предвещало никаких неприятностей. Я проснулась немного позже, чем обычно, и позволила себе полчаса поваляться в кровати – как раз вчера я закончила одно довольно сложное дело, эта работа отняла у меня много сил (и нервов, кстати), так что сегодня я решила позволить себе расслабиться. Даже отменила ежедневную пробежку – мышцы еще ныли после вчерашнего. А когда я взглянула на себя в зеркало, то обнаружила под глазом здоровенный синяк. Я вздохнула и побрела к холодильнику – за льдом и минералкой. Воду я выхлебала прямо из горлышка, постанывая от счастья. А лед завернула в салфетку и приложила к синяку. Но, конечно, было уже поздно. Надо было сделать это накануне, но вчера... вчера мне было не до того. Очень уж тяжелая рука оказалась у того мужика...

Не подумайте про меня плохого. Я вовсе не из тех, кто предается пьянству с последующим непременным мордобоем. Напротив – я веду исключительно здоровый образ жизни, включающий в себя ежедневные пробежки, тренажерный зал, здоровое питание... ага, а еще беготню по крышам, стрельбу и, к сожалению, иногда все-таки мордобой.

Дело в том, что я, Евгения Охотникова, – телохранитель. Разумеется, моя жизнь вовсе не похожа на похождения Джеймса Бонда из знаменитого кино про агента два нуля семь. Большей частью моя работа – это обычная рутина. Я охраняю небедных жителей нашего провинциального Тарасова (у бедных не хватит денег оплатить мои дорогостоящие услуги бодигарда, хотя порой приходится охранять и их тоже – это как карта ляжет). Еще я занимаюсь сопровождением грузов.

У меня есть свой сайт – там вы можете найти мои контакты (и заодно ознакомиться с моими расценками). Еще в Сети существует блог, где собираются те, кто фанатеет по моей скромной персоне. Ну, не совсем по мне – скорее, по тому персонажу, какого создал из меня один местный журналист, когда все думали, что я умерла. Иногда я по старой памяти заглядываю на эту страничку – интересно взглянуть, что там еще выдумали эти фрики.

Ну и, разумеется, существует серия комиксов с моим участием. Вот это уже серьезно. Прошлым летом один молодой художник – этаким гибридом Дольфа Лундгрена с Альбрехтом

Дюрером – сделал с меня серию набросков и на их основе создал комикс о женщине-воине. Лето было таким долгим, погода – прекрасной, а сам художник так мил... Я расслабилась и позволила нарисовать себя. Мой Дюрер умел быть очень убедительным. «Ты для меня – источник вдохновения, Женья! – соловьем пел он мне в уши. – Художнику-маринисту в качестве натуры нужно море, анималисту – животное... А мне совершенно необходима ты, моя прекрасная воительница!»

И я согласилась сотрудничать, совершенно не представляя, к чему это приведет. Змей-искуситель даже поделился со мной гонораром за первые выпуски комикса... А потом меня начали узнавать на улицах. Я приехала в столицу по делам, и вдруг маленький мальчик в метро уставился на меня широко раскрытыми глазами. Обычно я неплохо лажу с детьми, поэтому я слегка улыбнулась ребенку и отвернулась. Но звонкий голосок за спиной привлек мое внимание. Ребенок дергал за руку стоящего рядом отца и, захлебываясь от восторга, верещал: «Папа, папа, смотри! Это та тетя из твоих комиксов! Ну, такая, у которой тити почти выпадают из нагрудника! Она как Зена – Королева воинов, только круче!»

Я обернулась и встретила потрясенный взгляд отца мальчика. Папаша неожиданно залился краской до корней волос. Мало того – ко мне повернулись еще несколько человек из числа находившихся в вагоне пассажиров – в основном мужчины помоложе. И взгляды их можно было трактовать однозначно – как заинтересованные.

Я выскочила на следующей же остановке и пулей вылетела из метро, хотя до цели поездки мне было еще очень далеко...

Заскочив в ближайший книжный магазин, я разыскала комикс с собственным участием и уселась в уголке, торопливо листая глянцевые страницы. Ну, вот и я! Следовало признать, что мой Дюрер действительно был чрезвычайно талантлив. И женщина-воин получилась превосходно. Узорные поножи подчеркивали длину стройных ног. Кожаный нагрудник не скрывал, а скорее подчеркивал выдающихся размеров бюст. Меч в руке воительницы касался темных облаков, из которых били по земле высокохудожественные молнии. Впечатляюще, да. Вот только... Эта короткая стрижка, высокие скулы, падающая на глаза прядь... Это я, Евгения Охотникова, в прошлом боец отряда специального назначения, а теперь телохранитель с лицензией. И никакой кожаный колет никого не обманет. Узнать меня может даже ребенок... Что, собственно, и произошло.

Разумеется, я позвонила Дюреру и устроила ему разнос в стиле «гром и молнии».

– Ты понимаешь, что я по твоей милости стала *знаменитой*? – орала я в трубку (гений комикса находился на книжной выставке во Франкфурте). – Ты отдаешь себе отчет, что ты наделал? Меня в метро узнают! При моей работе это катастрофа!!! Ты должен немедленно это прекратить!

Художник извинялся – все-таки он был истинным джентльменом.

– Прости, Женья! – вздыхал мой Дюрер. – Ты же понимаешь, что ничего прекратить я не могу. У меня контракт. Кроме того, права уже проданы мной немецкому издательству.

– Проданы? – едва выговорила я онемевшими губами. – На... надолго?

– На двадцать пять лет... – виновато пробормотал художник.

– Я убью тебя! – заревела я в трубку, как раненый медведь. – Посмей только явиться мне на глаза!

– Женья, успокойся! – умолял художник. – Ну, прости меня! Я так тебе благодарен...

– Пардон? – мне показалось, что я ослышалась.

– Благодарен, говорю! – слегка повысил голос Дюрер, хотя связь была превосходной. – Ты помогла мне исполнить мою мечту. Ты сделала меня знаменитым. И богатым, кстати, тоже! Всем этим я обязан тебе и готов разделить с тобой успех и деньги. Так что, как только я вернусь в Россию, я немедленно приеду к тебе в твой... как его... Тарасов, и мы вместе...

Я не дала Дюреру договорить. За время его монолога я успела взять себя в руки, поэтому совершенно ледяным тоном сообщила:

– Вынуждена тебя разочаровать. Никакого «вместе» больше не будет. Лето было прекрасным... да и поиски клада оставили незабываемые впечатления... Но давай скажем другу другу «прощай».

– Жень, но почему?! – искренне недоумевал художник. – Нам же было так хорошо вместе!

– Вот именно поэтому, – отрезала я. – Хочу сохранить о тебе приятные воспоминания. У тебя теперь новая жизнь, успех, деньги...

– Это совершенно неважно! – торопливо вставил художник.

Я вздохнула. Мужчины как дети, право слово!

– А знаешь, какова истинная причина нашего разрыва? – медовым голосом поинтересовалась я.

Художник затаил дыхание. В трубке я слышала шум далекого Франкфурта.

– Рисуя меня в виде женщины-воина, ты увеличил мою грудь на два размера. Это значит, что настоящая Охотникова тебя не устраивает. Прощай.

С тех пор прошло два месяца. Этим утром, разглядывая в зеркале свое лицо, я вспомнила эту сцену. Теперь я могу позволить себе посмеяться над этой историей, а тогда мне было не до смеха...

Хорошо, что я живу и работаю в провинциальном Тарасове. Комиксы у нас не очень распространены – зарплаты в нашем городке невысокие, и рядовой гражданин не готов выложить недельный бюджет семьи за книжку с черно-белыми картинками. Зато я регулярно получаю свежие выпуски собственных воображаемых приключений. Слышала, что мой Дюрер переехал в Германию и прикупил домик в сельской местности где-то под Дюссельдорфом. Так что мечта его сбылась. Я рада, что немного помогла этому. Дело в том, что мой Дюрер – один из пятидесяти пяти заложников, захваченных террористами в аквапарке несколько лет назад. В то время я еще не оставляла службу в отряде специального назначения «Сигма» и была одним из участников операции по освобождению заложников. Но это совсем другая история...

Разглядывая в зеркале свое лицо, я горестно цокала языком, трогая пальцами здоровенный синяк. Как это я вчера пропустила удар? А, да, помню! Мы уже скрутили этого урода, и тут он вырвался и побежал к машине, где торчал в замке зажигания ключ... В два прыжка я догнала беглеца. Мужик, которому очень сильно не хотелось на нары – а именно это грозило ему за попытку убийства, – сопротивлялся как буйнопомешанный. Вот тут я и получила по физиономии. Злодея мы все-таки упаковали и доставили куда надо, но с красотой пришлось на время проститься. Да что там – с красотой! Просто с приличным видом. А что, если мне позвонит какой-нибудь важный клиент? С таким украшением под глазом я похожа на воришку-неудачника, а вовсе не на единственную леди-бодигарда этого города.

Я тяжело вздохнула и решила для начала позавтракать. Я люблю покушать – мой тренированный организм сжигает много калорий безо всякого вреда для талии, и после еды у меня резко улучшается настроение.

На кухне меня уже поджидала тетюшка Мила. Наслаждаясь утренней чашечкой кофе, тетя смерила меня критическим взглядом и покачала головой:

– Женечка, какой кошмар! Кто это тебя так?!

Я участвовала в десятках спецопераций, прыгала с парашютом и без – с вертолета на воду. В меня много раз стреляли, я переворачивалась и горела в машине, однажды меня вообще сбросили с крыши многоэтажки. Но фингал под глазом – такое со мной случалось нечасто.

Я тяжело вздохнула и налила себе кофе. Соорудила бутерброд.

– Знаешь, Жень, во времена моего детства в таких случаях мы всегда использовали бадягу, – задумчиво проговорила Мила.

– Какую еще бодягу?! – Я поперхнулась кофе.

– Ты напрасно смеешься, – поджала губы тетушка. – Когда твой отец, а мой младший брат был мальчишкой, он постоянно ходил весь в синяках. То дрался, то по заборам лазил. И мама всегда делала Максиму компрессы из бадяги. Очень хорошо помогает! Прогуляйся до аптеки, спроси – может быть, это лекарство до сих пор можно купить?

Я задумалась. Идея известить проклятый фингал быстро и безболезненно нравилась мне все больше.

– Спасибо, Мила! – улыбнулась я, вставая. Чмокнула тетушку в щеку и отправилась собираться. Ближайшая аптека располагалась совсем недалеко – за углом. Тем не менее я снаряжалась в поход не менее тщательно, чем раньше, когда готовилась к спецоперациям. Джинсы, свитер и тонкая куртка из черной кожи, удобные кроссовки. И, наконец, главное – бейсболка и темные очки. Я взглянула на себя в зеркало. Н-да, похожа на Милу Йовович, которая решила купить себе хот-дог, не привлекая внимания поклонников...

Я еще немного покрутилась перед зеркалом, потом махнула рукой, подняла воротник куртки, надвинула козырек бейсболки почти на нос и выскочила из дома.

До аптеки я добралась без эксцессов – то есть не встретив ни единого знакомого. Сколько раз замечала – люди, мнением которых я дорожу, или просто красивые мужчины попадают на моем пути как раз тогда, когда меня только что окатил грязной водой из лужи пролетевший мимо «Порш» либо когда я вишу на руках на краю скалы, а подо мной таежная река с каменистыми перекатами. Уж не знаю, в чем тут дело.

Поэтому, оказавшись в стерильной белизне аптеки, я с облегчением перевела дух. Аптека была пуста – только под громадным фикусом в деревянной кадке сидела на пуфике девочка-подросток в розовой дрянной курточке, а около нее крутился какой-то тип с незажженной сигаретой в зубах.

– Скажите, у вас есть... э... бадяга? – поинтересовалась я.

Пухленькая фармацевт Любочка была моей приятельницей – мы с тетушкой являлись постоянными клиентами этой аптеки. Мила не становится моложе, и с каждым годом ей требуется все больше лекарств, так что я захожу сюда чаще, чем хотелось бы.

Любочка тактично сделала вид, что не узнала меня. Она возвела глаза к потолку, потом потыкала пальчиками в клавиши компьютера и сообщила:

– Бадяги нет. Но есть роскошная линейка кремов от травм и синяков.

– Давайте сюда вашу роскошную линейку, – вздохнула я.

Любочка выложила на прилавок с десятков разноцветных упаковок. Я принялась вертеть в руках товар, прикидывая, какое из чудодейственных, если верить рекламе, средств подействует быстрее.

– Ну чё ты ломаешься? – донесся сзади гнусавый голос парня. – Че кобениться? Прямо королевщина, епть. Такая же рвань интернатская, а туда же – динамо крутить!

До чего же противный голос у этого типа... Про манеру выражаться я вообще молчу. Так, Охотникова, расслабься. Это не твое дело. Судя по всему, девушка и гнусавый хорошо знакомы, раз он в курсе подробностей ее биографии. Сами разберутся. Выбирай поскорее крем и топай в сторону дома...

– Игорек, ты сильно рискуешь, – хладнокровно, без тени игривости проговорила юная девушка. – Ты знаешь, что бывает с теми, кто меня обижает?

– Знаю, – заржал Игорек. – Еще в интернате мне говорили – кто тебя обидит, трех дней не проживет! Это ж байки. Ты думала, я поверю?

– Ну, смотри, – пожал плечиками девица. – Я тебя предупредила.

Парень предпринял новую попытку «склеить» девчонку, которой, кстати, на вид было не больше пятнадцати.

– Молодой человек! – вступила в разговор провизор Любочка. – Между прочим, находиться с сигаретой тут запрещено!

– Да я ж не курю, – довольно мирно ответил парень.

– И оставьте в покое девушку! – повысила голос Люба.

– Спасибо, тетенька! – кивнула юная особа. – Только мне помощь не нужна. Я и сама справлюсь.

И несовершеннолетняя гражданка обрушила на незадачливого ухажера семиэтажную фразу, преисполненную ненормативной лексики. Признаться, я даже заслушалась. Такого мастера-матершинника в наше время встретишь нечасто. В своем роде соловей...

Люба осуждающе покачала головой. Игорек ничуть не обиделся.

– Ну, ты даешь! – восхитился парень. – Ладно, курить хочу, умираю. Я пойду покурю, а ты тут покупай, чего хотела, не стесняйся – ну, типа, тампаксы свои. А потом продолжим.

И гопник выскочил из аптеки.

Девчушка подошла к кассе и попросила:

– Теть, дайте мне двенадцать аскорбинок. Я спешу. А то девушка еще долго провозится. – И подруга гопника простодушно подвинула меня плечом.

Я посторонилась, пропуская невоспитанную пацанку. Не хватало еще вступать в спор с таким цветком городской окраины. Пусть берет, чего надо, поскорее и топает к своему дружку.

Неожиданно девчушка заинтересовалась разноцветными тюбиками, выложенными на прилавке, ткнула пальцем в одну особенно яркую коробочку и посоветовала:

– Ой, девушка, берите этот, не ошибетесь. Мы в интернате всегда этим синяки сводили. На ночь намажете, утром встанете – морда как новенькая!

Любочка онемела от такой бесцеремонности.

Я невольно усмехнулась, поблагодарила юную особу и последовала ее совету. В конце концов, не все ли равно? Любая из мазей поможет, так почему бы не взять именно эту...

Девчушка, набив карманы курточки аскорбинкой, покинула аптеку. Я расплатилась, поблагодарила Любу и вышла вслед за подругой гопника.

Ноябрьский ветер пробирал до костей. Я наглухо застегнула молнию на куртке и зашагала по улице. Так, теперь скорее домой, в тепло, к тетиным пирогам. Думаю, стоит пересмотреть какое-нибудь старое кино – голливудскую комедию тридцатых годов прошлого века или боевик с неподражаемым Аленом Делоном в роли полицейского... Хотя, на мой взгляд, красавец-актер больше похож на шпану, чем на полисмента, пусть даже и французского.

Насколько я помню, в юности Делон действительно имел нелады с законом, а это, знаете ли, оставляет отпечаток. Хотя на отечественного гопника он, к счастью, все-таки не похож. Вот прямо передо мной по улице шагает этот самый Игорек. Руки в карманах, походка разболтанная, из угла рта свисает раскисшая сигарета. Девушка сильно опередила своего преследователя – тонкие ножки в ядовито-зеленых кроссовках мелькают, как барабанные палочки, тощие плечики под розовой курточкой независимо приподняты. Девчушка явно старается оторваться от преследователя... Ладно, меня это совершенно не касается.

И вообще, привычку лезть в чужие дела давно пора оставить. Разобраться бы со своими собственными... Да, полицейская киношка будет в самый раз. Нет, ну до чего развинченная походка у этого типа... перед зеркалом репетировал, что ли? Словно шимпанзе, одетый в дутую куртку и джинсы! В голове в такт шагам начала звучать старая песня: «Ален Делон, Ален Делон не пьет одеколон... Ален Делон, Ален Делон пьет двойной бурбон... Ален Делон говорит по-французски». Кажется, это «Наutilus»...

Я находилась слишком далеко от места происшествия, да вдобавок была занята собственными мыслями. Поэтому сам момент трагедии я пропустила. Женский визг ударил по нервам, как оборванный электрический провод.

Девчушка в розовой куртке, обернувшись в мою сторону, стояла на тротуаре, прижав ладошки к щекам, и расширенными глазами смотрела прямо перед собой.

Кричала не она – вопли неслись из небольшой толпы на остановке. Десяток женщин с хозяйственными сумками и пара потрепанных жизнью мужичков ждали автобус и теперь торопились к месту, где случилось несчастье.

А вот гопника нигде не было видно. На том месте, где он совсем недавно находился, виднелась плита – железобетонная конструкция два на два метра. Она полностью накрыла беднягу. Шансов у него не было ни малейших. Из-под края плиты виднелась рука с зажатой в пальцах незажженной сигаретой.

– Ой, да что ж такое делается! – причитала одна из теток. – Стою себе, слышу – хрясть! Повернулась – а тут такое!

– Со стройки плита свалилась, – вступила в разговор другая.

– Это гастеры проклятые! Все они виноваты! – возмущалась третья. – Ишь, повылазили, смотрят. Любуйтесь, чего наделали! – повысила голос женщина.

Я посмотрела наверх. Действительно, плита могла слететь только с недостроенного дома. На месте будущей девятиэтажки возвышался железобетонный каркас. Стены возводились из блоков размером с десяток кирпичей каждый. Этажа так с третьего выглядывали напуганные строители – судя по виду, явные гастарбайтеры.

Н-да, не повезло Игорьку... Одного не понимаю – как эти ребятки умудрились сбросить вниз такую штуковину? Плита не так уж велика, но весит прилично. Чтобы поднять такую железобетонную дуру, нужны совместные усилия десятка человек, а еще лучше – строительный кран. Что же, рабочие все вместе волокли куда-то плиту, а потом вдруг раскачали и выбросили наружу?! С чего бы это?

Пальцы Игорька не шевелились. Само собой, парень был мертв – погиб мгновенно, даже не успев понять, что произошло.

Я подошла к девушке. Та вскинула на меня огромные голубые глаза и сказала:

– Я же его предупреждала. А он, дурак, не слушал.

Я задумчиво разглядывала подругу покойного. Девочка была малорослой и щуплой, но теперь, когда я рассмотрела ее поближе, стало понятно, что ей не пятнадцать. Светлые короткие волосы торчали, словно цыплячий пух. И было что-то такое в выражении слегка сонного лица и прозрачных глаз, что наводило на мысли если не об умственной отсталости, то о некоторых странностях.

– Как тебя зовут? – спросила я, подходя еще ближе. Тетки окружили плиту и наперебой костерили строителей, а на девушку никто не обращал внимания. Из всех свидетелей происшествия только я знала, что девчушка была знакома с покойным.

Я ожидала, что подруга гопника станет огрызаться, а то и вообще откажется разговаривать. К моему удивлению, она спокойно вступила в разговор:

– Жанна. Жанна Подаркова, – ответила девушка.

– На Жанну Д'Арк похоже. – Я невольно отвлеклась от темы.

– Я знаю, – кивнула девушка. – Мне часто такое говорят.

Жанна казалась странно безмятежной. Только что на ее глазах железобетонная плита прикончила человека, которого девушка хорошо знала. И что же? Ни слез, ни истерик... Стоит себе, ведет светскую беседу. Может, шок? Да нет, не похоже.

– О чем ты его предупреждала, Жанна?

– Ну, как же, – удивленно вскинула бровки девушка. – Он же сам сказал – кто меня обидит, трех дней не проживет...

Настал мой черед удивляться:

– И ты... ты этому веришь?

Жанна пожала плечиками:

– Так всегда бывает. Я ведь сирота, понимаете? А сироту обижать нельзя.

Я во все глаза смотрела на юную блондинку. Заметив мой взгляд, Жанна вздохнула и пояснила:

– Папка мой на войне погиб. А мамка от горя спилась. До семи лет я жила у бабки в деревне. А потом бабка старая стала, чтобы меня воспитывать. Ну, меня в город увезли, в интернат. Полгода назад я школу окончила, теперь сама по себе живу. Мне ведь уже восемнадцать, квартира своя – от государства положено. Но до сих пор помню, что мне бабка говорила. «Ты, Жанна, круглая сирота. Некому за тебя вступиться. Но ты знай – у тебя ангел-хранитель есть. Он тебя в обиду не даст».

Я слушала, затаив дыхание. Но Жанна замолчала. Похоже, девушка считала, что снабдила меня всей нужной информацией.

– И что? Не дает в обиду ангел? – переспросила я.

Жанна солнечно улыбнулась. Улыбка чудесным образом преобразила сиротку, востроносое личико с непомерно большими, широко расставленными глазами сделалось почти красивым.

– Не дает, – тряхнула короткими волосами девчушка. – Во всем помогает.

Я покосилась туда, где из-под края плиты виднелась белая рука с сигаретой.

– А этот... Игорек? Он тебе кто?

– Да никто, – ответила Жанна. – Рвань интернатская. Думал, если мы из одного интерната, так у него права на меня есть.

– Он тебя обижал? – поинтересовалась я. – Приставал, да?

– И обижал, и приставал, – закивала девушка. – Я ему сто раз говорила, что жить с ним не стану, а Игорек все не хотел понять. Назойливый, как муха. Думал, что неотразимый кавалер. – И девчушка грустно вздохнула. – Ну, вот и поплатился. Жалко дурака, конечно, но ведь он сам виноват.

Я внимательно разглядывала безмятежное личико Жанны.

– Так за что поплатился Игорек?

– А, – беспечно отмахнулась Жанна. – Он меня изнасиловать хотел. Приперся ко мне домой, сказал, что голодный.

Девушка смущенно улыбнулась:

– Понимаете, у нас, интернатских, так принято – если приходит свой и просит поесть, нельзя отказывать. Завтра ты можешь на его месте оказаться. Ну, я ему пельменей сварила, а он полез ко мне.

– И как же ты с ним справилась? – удивилась я. Покойник был тощим, но жилистым, и на целую голову выше щуплой сироты.

– Отбилась, как обычно, – улыбнулась Жанна. – В первый раз, что ли? Конечно, если бы он всерьез собирался, я бы с ним не справилась. А так... Он просто думал, что я цену себе набиваю. Когда я его подальше послала да двинула пару раз, он встал, застегнул штаны и ушел. Ему тоже, знаете, из-за меня на зону идти неохота. Вот он сегодня с утра и начал второй заход. Шоколадку подарил. – Жанна всхлипнула. Кажется, до нее все-таки дошло, что случилось.

Толпа на остановке все росла. К тем, кто был свидетелем трагедии, присоединились те, кто ничего не видел, так что до меня доносились интересные версии, что плиту на покойника уронили лица кавказской национальности, что плита упала с проезжавшего КамАЗа и тому подобный бред.

Пора было уходить. Полицию уже вызвали. Если бы я видела, как все случилось, я бы непременно задержалась, чтобы дать показания. А так... Тетки на остановке расскажут об этом несчастном случае все, что нужно. А я даже не видела, как это произошло.

Жанна улыбнулась мне сквозь слезы:

– До свиданья. Я подожду, пока менты приедут. Надо же им все рассказать.

Девчушка вынула из кармана аскорбинку в яркой бумажке, пошуршала оберткой и отправила в рот большую белую таблетку.

– Люблю сладкое, не могу! – пояснила Жанна и шмыгнула носом. – Как проблемы какие-то или неприятности, я всегда так – съем конфетку, и нормально. Дальше жить можно.

Я посмотрела на плитку. Да, неприятности...

– И часто у тебя в жизни возникают проблемы? – машинально спросила я.

– Да вы чего, сами не понимаете? – засмеялась Жанна Подаркова. – Я ж интернатская. Вот у вас, к примеру, мамочка с папочкой есть, да? Они вам и помогут, и накормят, и денег до полочки дадут. А у меня никого. Одна бабка в Дергачах, да и то не знаю, жива она или померла давно.

Жанна сунула за щеку еще одну таблетку аскорбиновой кислоты с сахаром и продолжила говорить с оттопыренной щекой, отчего речь девушки стала невнятной.

– Ну, мне грех жаловаться. Я хорошо устроилась, не то что некоторые из наших. В магазине работаю, кассиршей. Платят хорошо, только работа допоздна, приходится по темноте возвращаться. Но я не боюсь – ангел меня в обиду не даст.

– И что, у него были поводы... э, вмешаться? – полюбопытствовала я.

– Да было пару раз! – отмахнулась девушка. – Шла после смены, а ко мне какие-то уроды привязались. «Девушка, поехали с нами!» – передразнила Подаркова.

– И что было дальше? – не выдержала я.

– Тут из кустов голос: «Пацаны, закурить не найдется?» Они отвлеклись, а я как дуну прямо через кусты, только меня и видели! А за спиной слышу, уже махаловка идет!

Интересный ангел у девушки – устраивает «махаловку» с подвыпившими хулиганами...

– Я ни у кого ничего не прошу. – Жанна вскинула на меня свои удивительные глаза. – Только чтоб ко мне не приставали. Я сама выучусь, карьеру сделаю, потом замуж выйду, ребеночка рожу, и все у меня будет как у людей. Только чтоб не мешали, понимаете?

– А Игорек, значит, мешал... – задумчиво проговорила я, глядя на толпу на остановке. Толпа разбухла до совершенно неприличных размеров. Теперь полицейским придется просеивать ее в поисках настоящих свидетелей, отсекая тех, кто что-то слышал краем уха. Ну, и сами виноваты – что так долго не едут?

– Я ему зла не желала, – отрезала Жанна. – Я вообще никому зла не желаю. Игорька я честно предупредила, чтобы он от меня отстал, а то хуже будет. А он не послушал, дурак...

Девушка всхлипнула и сунула за щеку очередную аскорбинку.

– Значит, ты думаешь, что плитку на твоего друга уронил ангел? – не сдержалась я.

– Он мне не друг! – огрызнулась девчонка. – Совсем наоборот! А насчет плиты... Конечно, ангел. Кто ж еще? Да вы сами посмотрите – разве человеку хватит сил такую махину поднять?!

Следовало признать, в словах девушки был определенный смысл.

А вот что касается высказывания Жанны по поводу моих собственных родителей, тут все далеко не так однозначно. Моя мама давно умерла – у нее было больное сердце, а с отцом я не общаюсь с тех самых пор, как он – прямо на похоронах мамы, кстати, – заявил, что у него давно уже другая семья. Так что мой отец, генерал Максим Охотников, до сих пор живет во Владивостоке, а вот мне пришлось искать другое место для жизни.

Сначала, когда я проходила обучение в Ворошиловке – так назывался вуз, который я окончила, – проблем не возникало. При вузе было комфортабельное общежитие. Потом, во времена моей службы в «Сигме», я вообще не задумывалась о том, что мне когда-нибудь понадобится свой дом. Меня вполне устраивала съемная квартира, куда я возвращалась после спецопераций и засыпала, не успев положить голову на подушку.

Но настал момент, когда со службой пришлось проститься. Я сама так захотела, а почему – слишком долго рассказывать. Самоубийство полковника Анисимова, человека,

в которого я была влюблена еще с институтских времен, стало последней каплей, и я оставила службу.

И оказалась в очень странном положении. Всю сознательную жизнь, с восемнадцати лет, я училась, тренировалась, и вот теперь годы тренировок превратили меня в великолепную боевую машину. Я была заточена под выполнение очень специфических задач. Я умела драться и прыгать с парашютом, владела десятком иностранных языков и навыками ведения допроса, могла с закрытыми глазами обезвредить взрывное устройство и за пару минут до неузнаваемости изменить свою внешность. Меня научили выживать там, где выжить невозможно, стрелять из всех видов оружия, водить вертолет и убивать голыми руками.

Но в обычной жизни все это оказалось совершенно ненужным.

Поскольку мне пришлось резко сменить сферу деятельности, о службе в государственных структурах предстояло забыть. А стать киллером высочайшего класса на службе у одного олигарха, ныне покойного (можете не верить, но это была первая работа, которую мне предложили) я не захотела.

Я ощущала себя шахматной фигуркой – ладьей, к примеру (для пешки я недостаточно проста), когда остальные фигуры потерялись вместе с коробкой.

У меня приключился нервный срыв, и это несмотря на то, что у всех, прошедших выучку в «Сигме», нервы как у космонавтов. Но надо было как-то жить дальше.

И тогда мне на помощь пришла тетушка Мила. Сестра моего отца всю жизнь прожила в провинциальном Тарасове, преподавала в юридическом. Своей семьи тетя, вечно окруженная молодежью, завести так и не удосужилась. После выхода на пенсию Людмила Охотникова осталась совершенно одинокой – точь-в-точь как я.

На мою несмелую просьбу пожить пару недель у родственницы Мила ответила телеграммой: «Срочно выезжай. Начинаю печь пироги».

С тех пор я живу в Тарасове. Довольно быстро я нашла свою первую работу в качестве телохранителя – точнее, это работа нашла меня. С тех пор в этом городе я номер первый. Ну, то есть среди женщин-бодигардов. Была тут недавно одна, что захотела подвинуть меня с моего законного места... Сейчас она в международном розыске. Нет, это не я такая мстительная – девушка сама влипла в неприятности планетарного масштаба...

За этими мыслями я не заметила, как дошла до дома.

– Женечка, ты знаешь, какой кошмар приключился у нас на остановке? На одного юношу упала плита со строящегося дома! – такими словами встретила меня Мила.

– Тетя, откуда ты знаешь? – поразила я. – Ведь это произошло совсем недавно!

Мила загадочно молчала. Несмотря на то что тетушка производит впечатление божьего одуванчика, разветвленной сети ее контактов могло бы позавидовать и ЦРУ, а иногда пути, которыми Мила добывает информацию, остаются загадкой даже для меня.

Наконец тетушка сжалась и утолила мое любопытство:

– Мне Марья Семеновна позвонила и сказала. А ей Валентина Фердинандовна...

Ну, все ясно. Я называю это *«всемирный пенсионерский заговор»*. Старушки обмениваются информацией быстрее, чем работает поисковик в Интернете.

– И я подумала, что ты отправилась в аптеку, а это совсем рядом с остановкой! – Мила прижала руку к сердцу. – Я так волновалась, Женя! Ведь ты могла случайно пострадать!

Я вздохнула. Ну вот, каждый раз одно и то же! Удивительно, тетя совершенно спокойно реагирует, когда я берусь за очередную работу. А ведь порой возникают такие ситуации, что даже я со своей подготовкой не уверена, что выберусь живой из очередной передрыги...

Взять хотя бы тот день – насколько помню, это была среда, – когда утро началось с того, что меня хотели поджарить током, а вечером заперли в промышленном холодильнике, где я и провела несколько часов, пытаясь согреться с помощью комплекса у-шу и гадая,

что выбрать – смерть от холода, если я перестану двигаться, или гибель от удушья, когда в холодильнике закончится воздух...

Зато, стоит мне выйти на улицу без шарфика, тетя принимается причитать, что я простужусь. А когда я еду на городской пляж, кричит мне вслед, чтобы я далеко не заплывала. И это при том, что я полгода провела во взводе боевых пловцов, о чем тетя прекрасно знает... Видимо, для Милы я навсегда останусь маленькой девочкой с разбитыми коленками, за которой нужен глаз да глаз.

Я благодарно не стала рассказывать тетушке, что сама была поблизости от места трагедии. Незачем волновать старушку...

Тут зазвонил мой мобильный, спасая меня от продолжения разговора.

– Охотникова, – сказала я в трубку. Свою фамилию я использую вместо «Алло». Эта привычка сохранилась у меня со времен службы в «Сигме», когда мы обменивались позывными и старались не забивать эфир ненужной информацией.

Обычно после этого звонящий уточняет: «Евгения Максимовна?» Как будто в городе есть еще одна Охотникова! Вообще-то есть, конечно, – моя тетушка, но ей звонят исключительно по городскому телефону.

Но мой собеседник оказался приятным исключением из правил – он не стал тратить время и сразу перешел к делу.

– Отлично, – деловито отозвался женский голос. – Вы-то мне и нужны. Я хочу предложить вам работу. Меня зовут Светлана Кричевская.

Мне понадобилось секунд десять, не больше, чтобы понять, о ком идет речь. Я знаю всех мало-мальски значимых людей в нашем городе. На многих я работала, про остальных что-то слышала. Я слежу за обстановкой в Тарасове – кто из деловых людей на коне, а кого вот-вот вытеснят из города, кто нацелился перебраться в столицу, с кем лучше не иметь дела, а кто склонен включать в свою свиту всех, кто хоть раз поработал на него... Есть в Тарасове даже специальный человечек, который составляет для меня своего рода информационные дайджесты, когда я чересчур занята работой.

Светлана Кричевская, сорок пять лет. Владелица сети магазинов с нежным названием «Осьминожек». Рыба и морепродукты. В самой Светлане из нежного только кожа плаща фасона «Матрица», в котором дама инспектирует свои магазины, наводя ужас на продавцов. Знаю, что в деловых кругах Тарасова Кричевская носит кличку «Кракен», чем втайне гордится.

Вообще-то я не готова к новой работе. Я рассчитывала пару дней отдохнуть, восстановить форму. А самое главное – под глазом у меня красуется здоровенный фингал. Встречаться в таком виде с клиентом – дурной тон. Ладно бы еще это была любая другая травма – так сказать, социально приемлемая. Но что обо мне подумают люди, если я заявлюсь к ним в дом в таком виде? Что Охотникова ведет асоциальный образ жизни? Что позволяет себе спиртное после тяжелой работы? Я, знаете ли, чрезвычайно дорожу своей репутацией... Собственно говоря, репутация – единственное, что у меня есть. У меня нет семьи (если не считать семьей тетушку Милу), нет собственного жилья, нет даже диплома об образовании. Точнее, есть... Вот только написано там, что я референт-переводчик. Засекреченный вуз, который я окончила, не выдает, знаете ли, дипломов, в которых написано «агент специального назначения».

А репутация – мой единственный капитал. Именно она позволяет мне находить работу. Всякий раз, когда очередному клиенту срочно требуется защита и охрана и он в панике наводит справки, пытаюсь выяснить, к кому обратиться, чтобы твои проблемы не стали достоянием общественности, – именно в этот момент всплывает мое имя. Евгения Охотникова. Надежна, как скала, молчалива, как могила.

Искренне надеюсь, что так будет и дальше.

– Светлана, какова степень срочности? – задала я вопрос, которого обычно стараюсь избегать. Понятно, что, раз человек обратился ко мне, его уже припекает и он чувствует себя примерно как карась на сковородке.

– В чем дело? – Тон собеседницы моментально сделался ледяным. Мне даже показалось, что в комнате похолодало. Ну точно, совершенно явственный порыв ледяного ветра пронесся от окна к двери.

– Вас устроит, если я подъеду к вам завтра? – попыталась вывернуться я.

– Вы нужны мне сегодня, – отрезала Кричевская. – Странно, мне рекомендовали вас как чрезвычайно надежного человека...

Пауза, повисшая в разговоре, была как жернов на моей шее. Она означала: «А так ли ты хороша, как о тебе говорят, Охотникова? Может быть, мне поискать кого-то другого, более *компетентного*, а? И заодно рассказать всем ближайшим знакомым, что хваленая телохранительница оказалась просто-напросто капризной бабой?»

По опыту знаю, какими опасными могут быть эти деловые дамочки. Они способны уничтожить человека одним словом, я много раз видела, как виртуозно они это проделывают. В общем, я на мгновение стиснула зубы, чтобы успокоиться, а потом ровным голосом произнесла:

– Диктуйте адрес.

Глава 2

Кричевская проживала в одной из новых высоток в районе набережной. Я позвонила в домофон, вышколенная прислуга в черном платье открыла мне дверь, и я оказалась в громадной двухуровневой квартире. Похоже, Кричевская купила сразу две квартиры – одну над другой, и переделала их по своему вкусу. Светлана умела добиваться своего, и дизайнеры потрудились на славу.

Моим глазам предстало огромное помещение, полное воздуха и света, блеска полированной мебели и сияния стекла, теплого свечения паркета и ярких пятен мебельной обивки. Даже не знаю, что это был за стиль. Главное, что создавалось впечатление теплого, уютного, обжитого дома – и это несмотря на громадные размеры квартиры.

Хозяйка ожидала меня, сидя в кожаном кресле. Видимо, Светлана принадлежала к тому типу деловых женщин, что не позволят себе и минуты потратить впустую. На низком столике перед Кричевской светился раскрытый ноутбук, при этом дама еще и беседовала по телефону.

– Да. Да, говорю! Разуй глаза и сам посмотри, если не веришь. Не пятнадцать, а семнадцать. Мелочи?! Это я тут решаю, что мелочи..., а что важно, понял? Так что заткни пасть и работай! Все, свободен!

Кричевская захлопнула крышку ноутбука и повернулась ко мне:

– А, здравствуйте!

Не вставая, Светлана протянула мне руку и приветствовала крепким, почти мужским рукопожатием. Рука у нее была жесткая, как деревяшка. Такие ладони бывают у тех, кто много времени проводит в спортзале – у меня, например.

Вообще Кричевская удивительно походила на мужчину – не в смысле мужеподобности, а по манере себя держать. Короткие белые волосы зачесаны назад, на лице ни грамма косметики, на руках маникюр в стиле нюд, то есть практически незаметный. Деловой костюм Светланы был элегантным, не спорю, но, на мой взгляд, недостаточно женственным. Туфли без каблуков, белая рубашка унисекс... В общем, моя потенциальная клиентка более всего походила на актрису Джули Эндрюс в моем любимом фильме «Виктор-Виктория». Там безработная певица переодевается в мужчину, чтобы сделать карьеру. Я очень люблю этот старый фильм и частенько его пересматриваю.

Кстати, и голос у Светланы оказался низким, с хрипотцой. Красивой Кричевскую не назовешь, но дама стильная, это точно.

– Я хочу предложить вам работу, – с ходу взяла быка за рога бизнесвумен, в упор разглядывая меня.

Собираясь на встречу с потенциальным работодателем, я произвела кое-какие действия по улучшению своей внешности. Не могу же я явиться на randevu в темных очках? Чего доброго, клиент еще решит, что я наркоманка. Поэтому я тщательно замаскировала синяк порядочным слоем грима. Проклятый фингал проступал все равно, несмотря на мои усилия, поэтому пришлось наложить густой тон на все лицо. Так что теперь я была сама на себя не похожа.

– Боюсь, моей маме вы не понравитесь, – неожиданно заявила Светлана, изучая мою физиономию.

– Простите?! – переспросила я в полном изумлении. Мне показалось, что я ослышалась.

– А, не обращайтесь внимания! – отмахнулась Светлана. – Главное, что *мне* вы нравитесь.

Я вежливо кивнула, с некоторой опаской отнесшись к такому заявлению со стороны дамы, которая выглядит как мужчина.

– Охрана требуется вам или кому-то из членов вашей семьи? – спросила я. Пора было определяться, соглашаться мне на эту работу или лучше будет поскорее распрощаться, оставив

телефончик одного из охранных агентств, которые кормятся возле меня, как рыбки-лоцманы возле акулы.

Бывает, что клиент с первого взгляда вызывает у меня раздражение. На самом деле это совершенно неважно – я профи, а значит, могу контролировать свои эмоции. Главное – защита объекта, а всякую лирику я в расчет не беру. Важно другое – бывает, что я сама вызываю у клиента острую неприязнь. Вот тогда дело плохо. И лучше поскорее предложить клиенту замену. Обычно минут через пять после начала разговора я уже знаю, сработаемся мы или нет.

– Я в ваших услугах точно не нуждаюсь, – усмехнулась Кричевская. – У меня есть личный охранник. Влад! Подойди, познакомься! – негромко сказала Светлана, и из-за колонны синего непрозрачного стекла вышел высокий светловолосый мужчина спортивного телосложения, коротко стриженный и одетый в костюм-двойку. Выглядел он скорее не как охранник, а как иностранный бизнесмен средней руки, каких много приезжает в Тарасов по делам. К примеру, швед.

Значит, охранник стоял наготове с той минуты, как я вошла в квартиру. Незнакомая с планировкой, я и не подозревала о его присутствии. Интересно... Такие меры предосторожности у госпожи Кричевской в обычае или бизнес-леди угрожает опасность?

– Влад Швецов. Влад, это Евгения Охотникова. Она будет охранять мою мамашу – если согласится, конечно.

Охранник коротко кивнул и занял место на диване напротив хозяйки. Я отметила, что Влад расположился в свободной позе, расставил ноги, как это обычно делают мужчины, закинул руку на спинку дивана. Это означало, что отношения с хозяйкой у него неформальные. Уж я-то знаю, за время работы телохранителем я повидала столько охранников, что могу быть экспертом в этом вопросе. Швецов скользнул по мне нарочито равнодушным взглядом.

– Ну что, рискнем? – весело поинтересовалась Светлана.

– Простите? – не поняла я.

– Рискнем познакомить вас с... как вы это называете... – Кричевская пощелкала пальцами, ища нужное слово. – Влад, скажи!

– Охраняемый объект, – бесстрастно произнес Швецов.

– Точно! Будь добр, пригласи сюда мою мамочку.

Охранник поднялся и, неспешно ступая, скрылся в недрах квартиры. Хитроумно спланированное пространство не позволяло с ходу понять, где стена, где зеркало, где просто декоративная панель и куда ведут все эти двери. Я невольно отметила, что перестрелка в таком пространстве была бы сущим кошмаром – чего доброго, примешься палить в свое собственное отражение... Но тут же одернула себя. Стыдись, Охотникова! «Горячие точки» остались в прошлом. Перед тобой мирный дом преуспевающей деловой дамы, а охранять тебе предстоит ее пожилую мамашу. Какие еще перестрелки?!

Влад вернулся через пару минут и занял свое место на диване.

– Сейчас придет, – коротко кинул он Светлане.

– Извините, придется подождать, – усмехнулась Кричевская, открыла ноутбук и принялась щелкать клавишами.

Охранник скользил по мне незаинтересованным взглядом. Я терпеливо ждала. Прошло не меньше десяти минут, и наконец послышался равномерный стук. Я подобралась в кресле. Стук приближался. И вот в проеме зеркальной стены появилась старуха. Она была высокой – почти с меня, а ведь во мне метр восемьдесят, – и грузной.

Одетая в черное платье матового шелка, с высокой прической (впрочем, довольно растрепанной), старуха производила величественное впечатление. Вот Кричевская-старшая остановилась на пороге. Украшенные множеством колец крупные руки моя потенциальная клиентка сложила на ручке толстой трости. Царственно вскинув голову, из-под тяжелых век старуха разглядывала меня.

– Мама, проходите, не стойте на пороге! – Мне показалось или в голосе Светланы мелькнула насмешка?

– Как вдова офицера я могу рассчитывать на уважение в этом доме! – еще более низким, чем у дочери, голосом сообщила нам старуха.

Светлана досадливо поморщилась и захлопнула крышку компьютера.

– Садитесь, мама, нам надо поговорить! – довольно мирно предложила Кричевская. Величественная старая дама еще с минуту испытывала терпение дочери, не трогаясь с места. Наконец она сменила гнев на милость, тяжело ступая и опираясь на палку, добралась до дивана, на котором сидел Влад, и уселась так, чтобы оказаться как можно дальше от охранника.

– Что ты еще задумала, Светлана? – мрачно спросила старуха, начисто игнорируя присутствие в гостиной незнакомого человека, то есть меня.

– Мама, не делайте вид, что впервые слышите об этом! – на мгновение Светлана потеряла над собой контроль и в сердцах хлопнула ладонью по столу с ноутбуком. На лице старухи появилось торжествующее выражение. Что ж, кажется, я начинаю догадываться, к какому типу людей принадлежит мой охраняемый объект...

Светлана взяла себя в руки и уже совершенно ровным и спокойным тоном проговорила:

– Мама, вам нужна охрана. Для того, чтобы я могла спокойно заниматься своими делами, я должна быть уверена, что вы в полной безопасности. Познакомьтесь, это Евгения. Она будет вас охранять.

Старуха наконец-то перевела на меня тяжелый взгляд.

– Добрый день, – приветствовала я клиентку. Кричевская-старшая никак не отреагировала на это и продолжала разглядывать так, словно я была неодушевленным объектом. Я решила не дергаться и просто подождать, что будет дальше. Ситуация меня немного забавляла. Я уже отвыкла от того, чтобы клиенты так со мной обходились. Вообще-то в этом городе я уже несколько лет на положении *маэстро*, и вполне заслуженно, кстати.

– Я вдова офицера! – наконец заявила старая дама. – Я могу за себя постоять. У меня есть пистолет, о чем всем прекрасно известно!

Светлана сжала руки так, что побелели костяшки пальцев. Однако голос ее остался все таким же ровным:

– Мама, вы всю жизнь проработали аккомпаниатором в детском саду. Послушать вас, так вы спецназовец на пенсии... А пистолет совершенно не защищает от киллера со снайперской винтовкой.

Старуха вскинула подбородок и немного пожевала губами, словно бормоча про себя что-то, что не решалась сказать вслух. Глаза под тяжелыми веками все так же продолжали сверлить меня. Я подумала, что, несмотря на почтенный возраст – Кричевской-старшей было под восемьдесят, – старуха еще вполне ничего – бодрая и крепкая. Полна воли к жизни и абсолютно вменяема. Вздорный характер и привычка отравлять жизнь окружающим дополняли прелестную картину.

– Как вас зовут? – вдруг резко спросила меня старая дама.

– Мама, я же только что вам представила... – начала было Светлана, но старуха остановила дочь властным жестом.

– Не вмешивайся, Светлана. Пусть она сама скажет. Ведь у нее есть язык?

Я подумала, что работа в детском саду вызывает профессиональную деформацию личности, как и всякая другая. Кажется, старуха Кричевская ко всем относилась так, словно они еще не научились как следует пользоваться горшком.

– Меня зовут Евгения Охотникова, – слегка улыбнулась я. – Являюсь профессиональным телохранителем. У меня есть лицензия и сертификаты о прохождении обучения. Показать?

Сертификатами я обзавелась на всякий случай, специально ради «корочек» прошла какие-то шестимесячные курсы бодигардов, в которых совершенно не нуждалась, даже ездила ради этого в Питер. Не предъявлять же клиентам свидетельство об окончании Ворошиловки?!

– Не надо, – поджала губы Кричевская. – В наше время, когда любую бумажку можно распечатать на цветном принтере...

Конец фразы повис в воздухе. Светлана бросила на меня встревоженный взгляд, но я мило улыбнулась и ответила:

– Уверю вас, документы у меня подлинные.

Старуха прищурила левый глаз и поинтересовалась:

– Кстати, чем занимаются ваши родители?

Я удивилась. Поскольку совершеннолетие я отметила довольно давно, такой вопрос я слышу нечасто. Однако же придется ответить. Похоже, старухе и впрямь интересно.

– Моя мама умерла, а отец бывший военный, сейчас на пенсии.

Глаза старухи вспыхнули, точно внутри головы зажглись электрические лампочки:

– Военный? А в каком чине?

– Мой отец генерал, – честно ответила я.

Кричевская царственно кивнула и произнесла:

– Хорошо, я согласна. Вы будете меня охранять. Предупреждаю – я веду довольно активный образ жизни! Не смотрите на мою палку – она у меня недавно. Так что не мечтайте, будто целыми днями станете смотреть сериалы по телевизору и получать за это деньги моей дочери!

– Мама! – взвыла Светлана.

– Ну что вы, – усмехнулась я. – Я и не мечтаю. К тому же я терпеть не могу сериалы.

– И еще. – Старуха смерила меня насмешливым взглядом. – В целом вы меня устраиваете. Но мне не нравится одно. Почему вы раскрашены, как путана? У вас на лице слой грима, я же вижу! Для дочери офицера это недопустимо! И еще – по-моему, у вас под глазом синяк? Как вы это объясните?

Светлана в некоторой растерянности переводила взгляд с мамы на меня.

– Просто несчастный случай на производстве, – честно ответила я, стараясь не рассмеяться. Пожилая дама поджала губы, демонстрируя неодобрение, но промолчала.

Вот так я и поступила на службу к старухе Кричевской. Ее звали Галина Георгиевна. Насколько я поняла, всю жизнь она моталась вслед за мужем-военным по окраинам советской империи, работала от случая к случаю. Кстати, в семьях профессиональных военных это не редкость. Офицера переводят на новое место службы, и дети оставляют школу, друзей, а жена – налаженный быт и работу. Поэтому офицерские жены часто либо вообще не работали, посвящая себя заботам о детях и муже, либо перебивались на должностях типа библиотекаря или нянечки в детском садике. При таком образе жизни карьеры не сделать. Галине Георгиевне еще повезло – почти в каждом новом месте жительства был детский сад, а значит, занятие для нее находилось почти всегда. Но для властной женщины такая работа была скорее оскорбительной, чем дающей удовлетворение и заработок. Поэтому главной своей жизненной ролью Кричевская считала роль Жены Офицера. Ну, а после смерти мужа – Вдовы Офицера. Надо признать, эту роль она исполняла с полной самоотдачей.

Галина Георгиевна проживала в пяти комнатах на первом этаже двухуровневой квартиры. Теперь одну из этих комнат отвели мне. Она носила гордое название гостевой спальни, но, судя по характеру хозяйки, ни один гость никогда не осквернял своими прикосновением белоснежных простыней узкой кровати.

Мы договорились, что я приступаю к службе с сегодняшнего дня. В багажнике моего «Фольксвагена» всегда стоит спортивная сумка, а в ней все, что нужно. Поскольку я никогда не знаю, куда занесет меня игра случая и забота о безопасности клиента, я вожу с собой одежду,

зубную щетку, оружие, а также кое-какие приспособления, совершенно необходимые в моей работе.

Так что я позвонила тетушке и сообщила, что ночевать сегодня не приду и вообще останусь тут на неопределенное время. Мила привыкла к моим отлучкам, холодильник у нас всегда забит продуктами, а за здоровьем тети присматривает специально нанятая мной медсестра на пенсии. Так что за Милу я спокойна.

Пока Галина Георгиевна распекала горничную за какую-то мелкую оплошность, я улучила время, чтобы поговорить со Светланой. Мне не очень понравилось, что самый важный из вопросов – а зачем, собственно, меня наняли – так и остался без ответа.

– Светлана, я бы хотела уточнить свою задачу, – обратилась я к бизнесвумен. – Для того, чтобы эффективно выполнять свою работу, я должна правильно представлять ситуацию. Скажите, Галине Георгиевне угрожает реальная опасность?

Кричевская тяжело вздохнула:

– Если бы я знала!

Я не стала задавать идиотский вопрос «У вас есть враги?». Враги есть у всякого делового человека. Конкуренты, завистники, просто недоброжелатели, а также друзья, которые много о вас знают и чьи интересы внезапно пересеклись с вашими, – все это неизбежная составляющая жизни такой дамы, как Светлана. В общем, надо держать ухо востро, если не хочешь пойти на корм себе подобным. Кричевская относится к этому спокойно. Да и сама играет по тем же правилам. Кстати, прозвище Кракен кому попало не дадут...

– В последнее время у меня кое-какие неприятности, – начала было Светлана, но внезапно замолчала и в упор посмотрела на меня. Я терпеливо ждала. Телохранитель – как врач или священник. Хранить тайны клиентов – одно из требований моей профессии. Люди доверяют мне свои жизни и потому порой вынуждены рассказывать о себе такое, чего и на исповеди не открыли бы. Разумеется, я никогда не использую полученную информацию во вред клиенту и не открою ее третьим лицам. Светлана должна понимать такие вещи. Если она не готова мне доверять, как я смогу нормально работать?

– Ладно, – наконец приняла решение Кричевская. – Думаю, вам можно верить. Сейчас я вам расскажу одну историю... само собой разумеется, это останется между нами...

Светлана выглянула посмотреть, где там ее мамаша. Галина Георгиевна воспитывала горничную.

– В общем, так, – решительно произнесла Светлана. – У меня был деловой партнер. Когда-то мы с ним вместе начинали. Торговая сеть принадлежала нам обоим, мы все создали с нуля. Давние дружеские связи моего отца на Дальнем Востоке и деловая хватка Аркадия – так звали моего партнера – все это позволило нам в короткие сроки подняться и занять свою деловую нишу в этом городе.

Светлана внезапно замолчала.

– Он что, умер, ваш партнер? – осторожно спросила я.

– Почему сразу – умер? – вскинула брови Светлана.

– Ну, вы же сказали: «У меня *был* деловой партнер»...

– Да нет, Аркадий Момзер живехонек, – засмеялась Светлана. – В этом-то и проблема...

Теперь настала моя очередь поднимать брови.

– Просто он перестал быть моим партнером, – пояснила Кричевская. – И превратился во врага. Я выплатила Аркадию его долю, и формально мы расстались по-хорошему. Но он чувствует себя обойденным, обиженным... Кроме того, он слишком много знает о наших делах... Думаю, не надо объяснять, о чем речь... И может мне навредить как никто другой.

Да, я прекрасно понимаю, о чем говорит Светлана. Особенности отечественного бизнеса – вот что это такое. «Серые» схемы, купленные таможенники, фирмы-«дочки»... да мало ли какие еще тайны скрываются под лоском внешне респектабельных торговых предпри-

ятий? Если работать честно, выполнять все законы и предписания, вылетишь в трубу. Даже Иванушка-дурачок, национальный герой, не справился бы с невыполнимой задачей соблюдения всех законов.

– Он что же, вам угрожал, этот Аркадий Момзер? – поинтересовалась я.

– И угрожал, и башку свернуть обещал, – кивнула Светлана. – Только у него руки коротки. Он, вообще-то, человек мирный. Мастер по части всяких шахер-махеров, а вот насчет того, чтобы кому-то вред причинить – кишка тонка.

Светлана сжала челюсти, и я обратила внимание, каким хищным может быть ее бледное узкое лицо. Точно шука в заводи. Думаю, сама Кричевская не остановилась бы перед тем, чтобы применить силу к противнику. Но это совершенно не мое дело.

– Поэтому я вас и пригласила, – сказала Светлана. – Кто знает, что взбредет в голову Аркаше? Человек он увлекающийся... Так что пусть мамочка пока побудет под вашей защитой.

– Хорошо, я все поняла, – сказала я, вставая.

– Мама будет вас проверять на прочность, – довольно мрачно сообщила мне Светлана, – но вы не обращайтесь внимания. Я знаю ваши расценки, и учитывая, так сказать, моральный ущерб, готова удвоить плату. Вы не против?

Что ж, я вовсе не возражала. То, что моральный ущерб предстоит нешуточный, было ясно с первой минуты. А то, что он будет ежедневным и даже ежечасным, не добавляло оптимизма. Ладно, бывали у меня клиенты и покруче... Хотя, к счастью, нечасто.

Охрана старой леди оказалась довольно хлопотным делом. Галина Георгиевна не преувеличивала – она действительно вела довольно активный образ жизни.

Утро у пожилой дамы начиналось рано – и сама Галина Георгиевна, и все, кто ей прислуживал, вставали еще затемно, по раз и навсегда заведенному распорядку – летом в шесть, а зимой в семь часов утра. Поскольку на дворе стоял ноябрь, вся старухина камарилья только что перешла на «зимний график». По утрам на дворе было так темно, что вставать не хотелось совершенно. Но работа есть работа, и каждое утро я выдергивала себя из-под одеяла.

Старуха была сторонницей аскетизма и строгости. К примеру, температура в моей комнате никогда не поднималась выше пятнадцати градусов, матрас был жестким, а одеяло таким кусачим, что я почувствовала себя юным кадетом, вступающим на суровое поприще защитника родины и готовым ради этого терпеть лишения и закалять волю.

Терпеть лишения я совершенно не собиралась, поэтому при первой возможности наладила хорошие отношения с домработницей Кричевских, безответной Людочкой, и вытребовала у нее нормальное одеяло и право пить кофе с бутербродами в любое время дня и ночи.

Кстати, аскетизм предписывался исключительно окружающим, а сама Кричевская спала на мягкой постели под одеялом из шерсти высокогорных лам и обожала шоколадные конфеты с ликером.

После побудки вся свита старухи принималась за дела, а сама Галина Георгиевна занималась собой – сначала ванна, потом массаж. Личный массажист каждое утро приезжал к восьми, и Галина Георгиевна выходила к завтраку розовая и довольная.

Я заметила, что Светлана старается как можно реже встречаться со своей родительницей. Иногда бизнесвумен допоздна занималась делами и вставала поздно, порой Светлана уезжала из дома раньше, чем мамаша являлась к завтраку. В общем, дома Кричевская бывала нечасто. Телохранитель Влад повсюду ездил с хозяйкой. Говорил он мало, только когда к нему обращались с вопросом, и в своем темном костюме казался тенью за спиной Светланы.

День Галины Георгиевны был занят до предела. Старуха дважды в неделю посещала медицинский центр, где ее встречали как дорогую гостью, всячески ублажали и проводили, как она сама выражалась, «техосмотр». После этого настроение у Галины Георгиевны улучшалось. Когда я осторожно спросила у Светланы, от чего лечится ее мамаша, бизнес-леди фырк-

нула и сказала, что у старухи здоровье как у космонавта, а медицинский центр – просто развлечение.

Другим излюбленным развлечением старухи Кричевской была покупка обуви. Несмотря на ежедневные высказывания на тему, что человек должен довольствоваться самым необходимым и избегать излишеств, шкаф в ее покоях был в восемь рядов заставлен обувью. Особенно Кричевская любила туфли. Так что всякий раз, когда у старухи резко портилось настроение (а это случалось практически ежедневно), Галина Георгиевна вдруг заявляла:

– Кажется, мне жмет левый. Нет, точно жмет. Пора покупать новую пару.

Дальше следовал неизменный ритуал – сначала звонили водителю. Толстый розовый Вовочка, похожий на качественную сардельку, подгонял к двери подъезда серую «Тойоту». Старуха усаживалась в машину и принималась давать указания водителю – куда ехать, где свернуть, когда пора тормозить... в общем, такой пассажир – кошмар каждого водителя. Но Вовочка безропотно сносил все приказы хозяйки. Он вел автомобиль необычайно осторожно, так, словно ехал по минному полю. Кочку или выбоину в асфальте он начинал объезжать метров за двадцать, отчего машина на наших провинциальных дорогах сомнительного качества перемещалась какими-то зигзагами. У меня создалось впечатление, что давным-давно Вовочка служил под началом покойного мужа Кричевской, и в сознании Галины Георгиевны этот немолодой тучный мужик до сих пор остался лопухим солдатиком. Только ему старуха доверяла свою драгоценную особу – услугами такси она не пользовалась принципиально и даже в машину к дочери отказывалась садиться.

Вовочка медленно, но верно вез нас в центр города, к кластеру обувных магазинов. Дешевки Кричевская не признавала, поэтому наносила визит в один из десятка магазинов, торгующих действительно качественной и дорогой обувью.

Стоило нам появиться на пороге, как с лиц продавцов сбегала краска. В обувных салонах хорошо знали Галину Георгиевну и отлично представляли, чего от нее можно ожидать.

Кричевская с порога заявляла, что пуфики для нее неудобны, для нее тащили стул, старуха усаживалась посреди зала, и начиналось представление. Длилось оно обычно часа полтора. К концу шоу магазин напоминал балетную студию после репетиции. Бледные до синевы продавцы, едва переставляя ноги, перемещались по залу, подтаскивая все новые и новые коробки с обувью привередливой клиентке, кто-то стоял на коленях, натягивая на полную ногу старухи туфельку, а Галина Георгиевна заранее кривила губы, разглядывая изделие немецких либо итальянских обувщиков.

Изредка, если Кричевская бывала в благодушном настроении, она покупала пару туфель. Но чаще всего старуха выражала недовольство работой магазина, и продавцы цепенели под ее леденящим взглядом, понимая, что премии в этом месяце им не видать. А Галина Георгиевна отправлялась пить чай с пирожными, которые, видимо, были какой-то из разновидностей аскетизма.

В первый же день работы, проведя четыре часа в торговом центре, вечером я намекнула Светлане, что человеку, которому угрожает опасность, не стоит ездить по таким многолюдным местам. На что бизнесвумен махнула рукой и напрямик заявила:

– Слушайте, Евгения, думаю, вы уже поняли – моей матери надо кого-то пожирать, чтобы чувствовать себя нормально. Пусть лучше это будут девочки из обувного. А не то мама примется за вас. Вы же этого не хотите, правда?

Следовало признать – Светлана была права. Поэтому мне оставалось только отбросить попытки изменить привычный распорядок жизни Галины Георгиевны и постараться обеспечить безопасность клиентки в непростых условиях ежедневных (и совершенно ненужных) выездов.

Подруг у Кричевской не было. Поэтому львиную долю ее жизни занимал шопинг. Сервизы и постельное белье, серебряные ситечки для чайника и льняные скатерти, фужеры богем-

ского стекла и махровые пушистые халаты – все это Галина Георгиевна скупала в немислимых количествах.

Самое удивительное, что приблизительно половина товаров на следующий день отсыла-лась обратно в магазины. Потому что в доме Кричевских и так было в избытке сервизов и ска-тертей.

Очевидно, это была своего рода психологическая компенсация за долгие годы скитаний, лишений и бедности, пережитых Кричевской за годы жизни с мужем-военным. Галина Геор-гиевна неохотно рассказывала о тех временах, но у меня создалось впечатление, что Сергей Кричевский был человеком крайне прижимистым и не позволял своей жене даже тех мелких дамских радостей, на которые она имела право. Так, однажды старуха обмолвилась, что много лет не могла себе позволить завивку в парикмахерской, а пользовалась набором пластмассовых бигуди, которые кипятила в кастрюльке.

В те времена Галина Георгиевна штопала чулки, зашивала носки и перелицовывала паль-тишко дочери. Так что нынешняя оргия потребления была по-человечески понятна. Теперь Светлана, успешная бизнес-леди, давала матери возможность получить реванш за годы эконо-мии и лишений.

Несмотря на исключительно вредный характер моей клиентки, у нас с Галиной Георгиев-ной установились вполне нормальные отношения. Когда мой синяк наконец прошел без следа (во многом под влиянием чудодейственной мази) и я перестала пользоваться гримом, старуха одобрительно отметила, что вот теперь я выгляжу как подобает дочери офицера.

Несколько раз Галина Георгиевна попыталась «поставить меня на место», как она назы-вала такую процедуру. Надо сказать, что вся прислуга в доме давно уже была «поставлена на место». Тихие, как тени, и безответные, как рабы на плантациях, слуги маячили на зад-нем плане и повиновались малейшему движению бровей властной старой дамы. Я так поняла, что все, кто не укладывался в стандарт, мгновенно теряли работу.

Кричевская и меня попыталась подогнать под образец. Пришлось вежливо, но твердо дать понять пожилой даме, что я не гожусь в Золушки.

После пары столкновений Кричевская признала, что я *крепкий орешек*, и оставила свои попытки. Теперь она не считала меня «персоналом», а относилась как к компаньонке, пристав-ленной к ней дочерию.

К тому же вскоре выяснилось, что покойный муж Кричевский служил там же, где мой отец. Старухе доставляло удовольствие говорить с человеком, у которого такие же воспомина-ния, как у нее самой. Мы с Галиной Георгиевной проводили вечера у электрического камина в ее маленькой гостиной, вспоминая города и дальние гарнизоны, где нам довелось жить, ни с чем не сравнимую природу Дальнего Востока, яркие типажи военнослужащих и тому подобные вещи, милые сердцу члену семьи военнослужащего, но совершенно непонятные постороннему. Я так думаю, что Галина Георгиевна взяла меня на службу, предвкушая именно эти удовольствия.

По четвергам Галина Георгиевна ездила в бассейн. Надо было видеть, как она спуска-ется по мраморным ступеням в голубоватую воду, держась за перила – ну точно императрица с трона! Или как плывет, царственно держа над водой голову в резиновой шапочке.

Старуха Кричевская совершенно не желала менять привычный распорядок своей удобно устроенной приятной жизни. На мои попытки объяснить азы безопасности Кричевская махала рукой, а при упоминании фамилии Момзера только презрительно фыркнула:

– Что?! Мне бояться Аркашку? Да я ему штаны ушивала, чтоб не свалились, когда они со Светкой на первые в жизни переговоры собирались! Если Светлана считает, что Аркадий способен причинить мне вред, значит, моя дочь еще большая дура, чем я думала!

Однажды, когда мы вышли из бассейна, я привычно просканировала окрестности и запахнула перед старухой дверцу машины. И только тогда заметила, что кроме Вовочки в салоне находится еще один человек.

Надо сказать, за последние две недели не произошло ничего, заслуживающего внимания.

Несмотря на то, что я несколько расслабилась за это время, многолетняя выучка не подвела. Я среагировала мгновенно – взяла старуху за плечи и мягко толкнула назад, стараясь не уронить и в то же время выводя клиента из зоны возможного обстрела. Мне пришлось закрыть Кричевскую собой, и я еще успела подумать: «Ах, как скверно! Если он меня сейчас положит, старушка останется без защиты. Какая скотина этот Вовочка! Приставили пистолет к голове, и сразу скис. Мог бы хотя бы на клаксон нажать, предупредить любимую хозяйку!» Я выдернула пистолет из кобуры под мышкой и приготовилась отразить нападение. Но тут предполагаемый киллер вскричал:

– Галина Георгиевна, голубушка, спасите! Она меня сейчас застрелит!

И поднял вверх пухлые ладони.

– Евгения, что вы себе позволяете! – Кричевская оправилась от шока и отодвинула меня властной рукой.

– Просто выполняю свою работу, – пробормотала я себе под нос, убирая пистолет в кобуру и уже понимая, что ничего страшного не случилось.

– Это же Аркаша! – возмутилась Галина Георгиевна так, как будто это все объясняло.

– Аркадий Момзер? – напряглась я. – Галина Георгиевна, разумно ли это?

Перед нами сидел бывший партнер Светланы, а ныне враг, обиженный и обобранный ею в лучших традициях девяностых. Бизнес-леди ясно дала мне понять, что именно Аркадий – главная причина того, что ее матери требуется охрана. И вот теперь этот Момзер проник в машину. Я бросила злобный взгляд на безмятежную физиономию Вовочки. Безопасность автомобиля – его забота, а этот тугодум взял и пустил в салон постороннего. Ну, если все кончится благополучно, устрою этому болвану головомойку...

Конечно, я могла в два счета очистить салон – выволочь Момзера за шкуру и уронить мордой на свежевыпавший снег. Это при условии, если бы он был обыкновенным злоумышленником, желающим причинить вред моей клиентке. Но, кажется, Галина Георгиевна относилась к Аркадию совсем не так, как полагается относиться к врагу.

– Здравствуй, Аркадий. Давно тебя не было видно, – с материнской интонацией произнесла Кричевская.

Момзер жалко улыбнулся и сделал приглашающий жест, призывая старуху сесть в машину.

Кричевская шагнула вперед, тяжело опираясь на палку.

– Галина Георгиевна! – предостерегающе сказала я. – Это может быть опасно.

Кричевская обернулась. Ее лицо выглядело еще более надменным, чем обычно.

– Деточка, я что, похожа на слабоумную? – презрительно осведомилась моя клиентка.

– Н-нет, не похожи.

– Ну так предоставьте мне самой решать, что опасно, а что нет.

И старуха уселась на заднее сиденье, где помещался Аркадий. Мне ничего не оставалось, как сесть вперед. Теперь в случае чего мне придется проявлять чудеса эквилибристики, чтобы добраться до злодея на заднем сиденье...

Но Момзер не проявлял ни малейшей агрессивности. Бывший партнер Светланы вовсе не казался опасным. Это был полноватый низенький мужчина лет сорока пяти, с лысиной и обрамляющим ее венчиком пушистых белых волос – очевидно, когда-то на этом месте были кудри, но ветер перемен унес их. Костюм мужчины был измят, рубашка требовала стирки, а на кашемировом пальто не хватало пуговицы. Аркадий чувствовал себя неловко и кривовато улыбался, стараясь понравиться.

– Ты хотел о чем-то поговорить со мной, Аркадий? – осведомилась Галина Георгиевна.

– Да-да, – заторопился Момзер. – Только...

И он бросил красноречивый взгляд в мою сторону.

– Можешь говорить совершенно свободно. – Старуха повела в мою сторону рукой в перстнях. – Евгения – мой человек.

Я слегка удивилась. Неужели общие воспоминания – достаточный повод для того, чтобы считать меня доверенным лицом?

– Я хотел попросить вас, – произнес Аркадий, – как-нибудь повлиять на Светлану. Вы не представляете, дорогая Галина Георгиевна, как она со мной поступила. Если бы я вам рассказал...

– Не надо! – твердо проговорила старуха. – Я пожилой человек, мне нельзя волноваться. Но я всегда к тебе хорошо относилась. Как к своему сыну. Чего ты хочешь?

– Побеседуйте со Светланой! – Аркадий молитвенно сложил руки на груди. – Она человек резкий, жесткий, но сердце у нее доброе. Вас она очень уважает и любит. Только вас она слушает...

Послышался странный звук, похожий на кашель – это старуха смеялась. Момзер в изумлении таращился на Кричевскую.

– Не знала, что у моей дочери есть сердце, – отсмеявшись, заявила пожилая леди. – Тем более доброе.

– Галина Георгиевна, – попытался добавить что-то еще Аркадий, но Кричевская его перебила:

– Молчи, негодяй! Не смей говорить о том, в чем совершенно не разбираешься. Моя дочь – неблагодарная и жестокосердная тварь. Но это касается только меня. Я не знаю, что там у вас произошло... Но, судя по всему, Светлана провернула с тобой одну из тех гадких, отвратительных, незаконных штук, на которые вы с ней всегда были большие мастера. Я угадала?

– Да, вы совершенно правы! – стиснул руки Аркадий. – Вы не представляете, что она сделала! Такую схему провернула, просто блеск... Если бы это не касалось меня! И главное – ведь это я сам ее научил!

В голосе Аркадия зазвенели слезы. Кричевская терпеливо ждала окончания монолога.

– Так быстро все провернула... А когда я кинулся к ментам, там у нее все оказалось схвачено! Я попытался обратиться к влиятельным людям...

Ага, скажи еще – «к братве»...

Аркадий стушевался, сообразив, что сказал лишнего. Но и так все было ясно. Очевидно, и там Светлана опередила своего бывшего партнера.

– Ведь контакты у нас были общие... – едва слышно закончил Момзер.

Кричевская сверху вниз разглядывала мужчину.

– Мне некуда идти, – уже явственно всхлипнул Аркадий. – У меня семья, дочка-первоклассница... Вы не представляете, в каком я положении! Я никто! Со мной не желают общаться! Как будто не со мной эти люди вели дела последние пятнадцать лет, не со мной пили...

И Момзер окончательно сник.

Я напряглась. Вот сейчас он скажет что-то типа: «Мне нечего терять, и поэтому я решил взять вас в заложники, дорогая Галина Георгиевна!»

Но ничего подобного не произошло. Аркадий поднял голову и произнес:

– Помогите мне, поговорите с дочерью! Она не хочет со мной встречаться... Но вы скажите ей, что я согласен на ее условия. Я был не прав...

Затаив дыхание, Момзер смотрел на старуху. Я подумала, что у него действительно серьезные неприятности, раз он дошел до того, чтобы просить о помощи восьмидесятилетнюю даму.

Кричевская вскинула подбородок и решительно заявила:

– Аркадий, ты знаешь, я люблю тебя как сына. Но скажу сразу – я не стану делать того, о чем ты просишь.

Я незаметно вынула пистолет из кобуры и пристроила за отворотом куртки. Момзер таращился на Галину Георгиевну в полном изумлении.

– Во-первых, Светлана меня не послушает, – принялась загибать пальцы, украшенные перстнями, пожилая дама. – Она никогда меня не слушала, даже когда была подростком! Она все делает мне назло. А во-вторых, если моя дочь решила не иметь с тобой дела... Возможно, она и права. Ей лучше знать.

– Галина Георгиевна! – укоризненно протянул Аркадий, словно не веря своим ушам.

– Не перебивай меня! – огрызнулась Кричевская. – Насколько я помню, именно ты всегда учил Свету быть жесткой и не давать конкурентам пощады. Что ж, у тебя была хорошая ученица. Разбирайтесь с ней сами, а я не буду вмешиваться.

Кричевская махнула рукой и устало откинулась на спинку сиденья.

Я поудобнее перехватила рукоятку пистолета.

Но Момзер не стал ни на кого нападать. Он молча открыл дверцу, выбрался из машины и остановился, глядя себе под ноги.

– Мне очень жаль, что все закончилось именно так, – наконец произнес Аркадий. – Мне жаль. Но предупреждаю, Галина Георгиевна, – скоро вам тоже придется очень сильно пожалеть о том, что сегодня вы так обошлись со мной. *Очень сильно.*

И Момзер побрел по улице, оставив дверцу открытой. Я выбралась из машины и подошла к клиентке. Кричевская задумчиво смотрела в спину уходящему Аркадию.

– Может, догнать его? – предложила я, критически разглядывая бывшего совладельца «Осьминожка».

– Зачем это? – встрепелась старуха.

– Ну, на мой взгляд, вы только что услышали угрозу в свой адрес, – сообщила я. – Можно вернуть господина Момзера и уточнить, что он имел в виду.

– Не надо, – твердо сказала пожилая дама. – Пусть идет. В конце концов, когда-то давно он действительно был мне как сын, а Светлана поступила с ним и вправду жестоко. Поедем. Я замерзла и хочу чаю.

Кричевская закрыла глаза и поплотнее закуталась в шарфик.

Всю дорогу я распекала Вовочку за то, что он посмел пустить в салон постороннего человека. Водитель таращил на меня ясные глаза, шмыгал носом-пуговкой и никак не мог понять, за что на него сердятся.

– Нет, если бы кто чужой, я бы ни в жисть, – клялся шофер. – А это же знакомый! Это Аркадий Борисыч, понимаете?

Я билась, билась и в конце концов плюнула на возможность убедить Вовочку с помощью разумных доводов. Вспомнив, что в прошлом этот тип был военным, я сказала:

– Галина Георгиевна, вы согласны, что в вопросах безопасности я вами руковожу?

Старуха кивнула, не открывая глаз. Вовочка следил за этой пантомимой в зеркало.

– Так вот, Владимир, – торжественно проговорила я. – С этой минуты вам запрещено пускать кого бы то ни было в машину, будь то хоть трижды знакомый. Это приказ!

Услышав знакомые слова, Вовочка радостно улыбнулся и кивнул. Спасибо хоть не попытался отдать честь...

Дома Кричевская сразу же прошла к себе в спальню, от чая отказалась и до вечера не выходила из своих покоев. Да и вечером была непривычно тиха и о чем-то размышляла.

Часам к десяти приехала Светлана – как всегда, в сопровождении Влада.

Бизнесвумен упала на диван в гостиной и потребовала кофе. Лицо ее было бледным от усталости, в ожидании кофе она закрыла глаза. Влад, сидевший рядом, погладил хозяйку по плечу, но та передернула плечами и сбросила руку охранника.

С первого дня моего пребывания в этом доме мне стало ясно, что хозяйку и телохранителя связывают неформальные, скажем так, отношения. В отличие от остального персонала, который являлся на службу рано утром и покидал дом поздно вечером, Влад Швецов проживал в доме. У Влада была своя комната по соседству со спальней хозяйки. Иногда он ночевал там, а порой проводил ночи в комнате Светланы.

Очевидно, охранник считал, что такое положение дает ему право высказывать свое мнение. Но телохранитель просчитался.

Светлана Кричевская относилась к своему охраннику так, как большие начальники относятся к молоденьким и хорошеньким секретаршам. Бизнес-леди попросту использовала Влада в качестве одалиски мужского пола, и больше Светлане от него ничего не было нужно – ну, не считая услуг телохранителя, конечно, ради чего его и наняли.

Не знаю, устраивало ли Швецова такое положение. Судя по всему, да – он работал на Кричевскую второй год, сменив на этом посту какого-то Эльдара. Я мельком видела фотографию на стене кабинета Светланы – бизнесвумен на какой-то презентации. На фото за ее плечом маячил жгучий брюнет в точно таком же костюме, как у Влада. Видимо, это и был Эльдар. А уж почему он покинул свой пост, меня не касалось. Возможно, слишком много о себе возомнил...

Судя по всему, Влад был умнее своего предшественника и не переступал границ дозволенного. Дозволено ему было вести себя достаточно независимо, но стоило хозяйке проявить хоть малейшее неудовольствие, как Швецов немедленно превращался в корректного вышколенного охранника. Так отлично выдрессированный пес повинуется движению бровей и оттенкам голоса хозяйки.

Пару раз мы провели с Владом вечер в гостиной, беседуя на общие темы. Телохранитель показался мне вполне дельным профи, знающим себе цену.

Вот и сейчас Швецов бросил внимательный взгляд на хозяйку и, неслышно ступая, отправился на кухню поторопить Людочку. Он отдал какие-то распоряжения, и домработница захлопотала.

Вскоре Людочка сервировала кофейный столик, и Светлана открыла глаза, едва ее ноздрей коснулся запах свежесваренного кофе.

На запах явилась Галина Георгиевна. Старуха уселась в кресло и с неодобрением поглядывала на дочь. Младшая Кричевская схватила бутерброд и впилась в него зубами, с наслаждением замычала и сообщила:

– Жрать хочу, умираю! Не поверите, за весь день совершенно не нашлось времени пообедать.

– Ты не следишь за своим здоровьем, Светлана! – строго сказала старуха. – У тебя будет приступ гастрита!

Светлана жадно отхлебнула кофе и зажмурилась от удовольствия.

– Да ладно, мама! При моем образе жизни приступ все равно случится рано или поздно! Так я хоть порадуюсь жизни! – усмехнулась дочь.

– Ты слишком много работаешь! – предприняла новую атаку Галина Георгиевна.

– Знаю, – отмахнулась Светлана. – Давно такого не было, чтобы с утра до ночи крутиться. Лет десять точно.

– Кстати, я сегодня встретила Аркадия, – совершенно некстати заявила пожилая дама.

Светлана едва не подавилась бутербродом. Моргая ненакрашенными ресницами, бизнесвумен смотрела на мать. Наконец Кричевская отложила недоеденный бутерброд на тарелку и заинтересовалась:

– Как это – встретила? Как это понимать? Ты что, гуляла по улицам, что ли?

Старуха смутилась, но только на мгновение.

– Неважно, где я встретила бедного Аркашу. Я хотела с тобой поговорить наедине.

– Как это – неважно? – вскипела Светлана. – Очень даже важно! Ты понимаешь, что «бедный Аркаша» может быть очень опасен?! Ты отдаешь себе отчет, что он давно уже не тот мальчик, которого ты подкармливала? Того мальчика нет на свете, поняла?

Лицо Светланы побелело, даже губы. Женщина впиалась пальцами в край столика и говорила тихо, почти не разжимая губ.

– Как и той девочки, которой была я, мама. Не смей меня просить за него! Аркадий Момзер – тот еще тип. На нем по меньшей мере два трупа, и это не считая мелких грехов. Ты играешь в опасные игры, мама. Поскольку ты не знаешь правил, это может очень печально закончиться.

Старуха, прищурившись, смотрела на дочь.

– Ты меня недооцениваешь, девочка, – наконец проговорила Галина Георгиевна. – Я могу о себе позаботиться.

Светлана откинулась на спинку дивана и потерла пальцами виски. Она явно жалела, что наговорила лишнего, но отступать Кричевская не привыкла.

– А я говорю не о тебе, мама.

Я заметила, что обычно Светлана называла свою мать на «вы», как это принято в патриархальных семьях. Очевидно, так было заведено при покойном папе-офицере. Но когда Кричевская волновалась, она переходила с матерью на «ты», и старуха всякий раз морщилась, как будто это фамильярное «ты» причиняло ей какой-то ущерб.

Галина Георгиевна удивленно подняла брови.

– Я сделала для вас все, что могла, мама, – невесело улыбнулась Светлана. – Наняла вам лучшего в городе телохранителя. Если вы не соблюдаете элементарных мер, мне нечего сказать.

– Ты боишься Аркашку? – презрительно скривила губы Галина Георгиевна.

– Боюсь. – Светлана пожала плечами и отхлебнула остывший кофе. – Я же не дура. Я прекрасно знаю, на что он способен. Но я боюсь не за себя. У меня есть Влад. От киллера он меня прикроет, машина у меня с броней четвертой степени защиты, радиоподаватель сигнала я всегда вожу в багажнике, так что бомбы не боюсь... А плита со стройки может упасть на каждого, все под богом ходим... Но я говорю не о себе, мама. Дело в том...

Светлана стиснула виски ладонями, как будто у нее сильно заболела голова.

– Ванна готова, – прошелестела Людочка, появляясь на пороге.

– Что? Какая ванна? – недоуменно переспросила Светлана.

– Это я распорядился, – тихо сказал Влад. – Ты устала, день был тяжелый.

Светлана медленно повернулась к охраннику. Лицо ее залила меловая белизна, края тонких ноздрей задрожали. Ох, не хотела бы я сейчас оказаться на месте Швецова...

– Ты что себе позволяешь? – свистящим шепотом произнесла Светлана. – Ты что о себе вообразил? Если я иногда беру тебя к себе в койку, это еще не значит, что тебе позволено решать, как мне жить, ты это *понимаешь*?

Людочка попятилась и растворилась в недрах квартиры. Влад сидел с каменным лицом. Сейчас он мне напоминал того спартанского мальчика, который поймал лисенка и сунул себе под хитон. Потом ребят позвали на построение, и мальчик стоял неподвижно до тех пор, пока не упал замертво – оказалось, лисенок проел бедняге внутренности. Жуткая история. На мой взгляд, она иллюстрирует не только силу воли спартанцев, но и чрезвычайную эффективность их педагогической системы. Ведь бедный мальчик куда больше проедающего бок зверя боялся своих наставников и учителей...

Светлана бушевала долго – минут пять, ничуть не стесняясь моего присутствия. По-моему, она не отдавала себе отчета в реальности происходящего. Наконец бизнесвумен уронила голову на руки и застыла в таком положении.

Влад медленно поднялся и ушел к себе. Галина Георгиевна сидела, выпрямив спину и глядя прямо перед собой. Лицо ее было почти таким же белым, как у дочери, но она не произнесла ни слова.

Светлана, тяжело дыша, подняла голову и, глядя на мать, повторила:

– Не просите меня за Аркадия, мама. Вы еще пожалеете, что вообще разговаривали с ним сегодня.

– В чем дело? – осведомилась старуха, вскидывая подбородок. – Почему сегодня все говорят какими-то загадками? Оставим в покое твоего охранника... кстати, я всегда говорила, что персонал должен знать свое место...

Глаза Светланы угрожающе сузились, и старая дама поспешно закончила:

– Так что ты имела в виду, когда говорила, что опасность угрожает не тебе и не мне?

Краска вернулась на щеки Светланы. Женщина взяла чашку и поболтала кофейную гущу, потом резко опрокинула чашку на блюдечко. Старуха во все глаза следила за дочерью.

Светлана так и сяк повертела блюдце с растекшейся гущей и отставила его в сторону.

– Похоже на череп... Ну, или на задницу. Это как посмотреть. Никогда не доверяла гаданиям.

– Светлана, ты испытываешь мое терпение! – грозно свела брови старуха.

Бизнес-леди усмехнулась и подняла глаза на мать:

– А, да. Я ведь еще не сказала. Дело в том, мама... вы только не волнуйтесь... дело в том, что завтра приезжает Валентин.

Глава 3

В конце знаменитой пьесы Гоголя «Ревизор» есть немая сцена. Это когда неожиданный поворот сюжета ввел всех персонажей в такой ступор, что им, бедолагам, остается только замереть неподвижно и подождать, пока несчастные мозги справятся с шокирующей информацией. Кстати, это защитный механизм, придуманный самой природой, – в момент стресса животным свойственно замирать, видимо, в надежде, что опасность пройдет стороной. Ну, или бедные зверюшки копят силы для спасительного рывка. А ведь человек – тоже в своем роде животное.

Немая сцена – вот что последовало за словами Светланы. Я понятия не имела, кто этот таинственный Валентин и почему его приезд повергает присутствующих в такой шок. Судя по всему, проблема вырисовывалась нешуточная. Галина Георгиевна остекленела на диване с приоткрытым ртом и поднятой рукой, а сама Светлана в сердцах стукнула кулаком по столу, отчего кофейная чашка со следами гадания разбилась. Даже домработница Людочка, которая осмелилась показаться на пороге с подносом для посуды, ахнула и прислонилась к стенке, прижав поднос к груди, как будто он мог ее защитить от неведомой опасности. Да что у них тут такое? Я почувствовала раздражение. Не люблю ощущать себя болваном. А сейчас в этой комнате болван только один, и это именно я.

Светлана первая справилась со своими эмоциями. Она устало потерла лоб и негромко сказала:

– Людмила, не маячь на пороге. Все равно ты слушаешь, я же знаю. Убери-ка тут, а то у нас не дом, а настоящий свинарник...

На мой взгляд, единственная разбитая чашка в вылизанной до блеска двухуровневой квартире площадью триста квадратных метров – это явное преувеличение. Но хозяйке виднее.

Людмила принялась собирать со стола. Светлана терпеливо ждала, пока та не скроется в кухне, и только потом бросила на меня тоскливый взгляд и пояснила:

– Валентин – это мой сын.

Вот так так! А я и не подозревала, что у Кричевской есть дети. Глядя на бизнесвумен, трудно предположить, что когда-то она была юной матерью и, теоретически, чьей-то женой.

– Он приедет завтра утром, – продолжала Светлана, – а это значит, что наша жизнь, и без того непростая, усложнится до предела.

– Сколько лет вашему сыну? – поинтересовалась я.

– Валечке семнадцать! – наконец-то Галина Георгиевна смогла хоть что-то выговорить.

– И он самый упрямый и своевольный гаденыш на свете! – сказала Светлана. Я удивилась – никогда не слышала, чтобы кто-то отзывался о собственных детях подобным образом. Но в голосе Светланы звучала нежность, а лицо осветилось искренней улыбкой.

– Ва-а-алечка приедет, – с мечтательной интонацией произнесла Галина Георгиевна. Кажется, мальчик – настоящий кумир обеих дам, свет в окошке. Но вдруг лицо старухи исказилось, и она воскликнула: – Но ведь мальчику ни в коем случае нельзя приезжать сюда! В Тарасове опасно! Если ты говоришь, что Аркадий представляет для нас угрозу... а Момзер прекрасно знает, насколько дорог тебе твой сын... и если он решит причинить вред Валечке... Светлана!

Старуха стукнула палкой об пол так, что ее дочь вздрогнула.

– Светлана! Ты должна его остановить!

– Интересно, как вы себе это представляете, мама? – иронически усмехнулась Светлана. – Мальчишка и в детстве-то никого не слушал, всегда поступал как ему самому захочется. А теперь, когда он почти совершеннолетний, да вдобавок почти год прожил в Москве самостоятельно...

Светлана достала из кармана жакета навороченный телефон и кончиками пальцев подтолкнула его к старухе. Телефон проехался по полированной поверхности стола и замер на краю, угрожающе покачиваясь.

– Если хотите, мама, можете попробовать сами. Вот телефон, звоните.

Галина Георгиевна опасливо посмотрела на дорогую модель, как будто это был не телефон, а взрывное устройство, и покачала головой.

– Ты никогда не умела влиять на своего сына, Светлана! – осуждающе произнесла старуха, тяжело поднялась с кресла и вышла.

Светлана некоторое время пустым взглядом смотрела в спину матери, потом тяжело вздохнула и крикнула:

– Люда! Там вода наверняка уже остыла. Сделай мне ванну по-новому, будь добренькая. Устала, как собака...

Валентин Кричевский приехал на следующее утро. Светлана отправила Влада в аэропорт встречать сына, а сама отменила все встречи и дела, намеченные на день, уселась в кабинете и принялась решать проблемы по телефону.

В половине одиннадцатого раздался звонок в дверь, и все, кто находился в квартире, переполошились, как куры. Светлана оборвала разговор на полуслове и бросила телефон, Людочка уронила очередной поднос, Галина Георгиевна появилась из своих покоев. В общем, все построились, как новобранцы на плацу.

Дверь распахнулась, и вошел... Юный принц – вот слова, которые первыми приходили в голову при виде Валентина Кричевского. Мальчик был удивительно красив. Я подумала, что Валентин удался явно не в мать. Интересно, кто был отцом юноши?

За спиной наследника маячил Влад.

– Рейс задержали на полчаса, – пояснил он, глядя в пол. Видимо, еще не забыл вчерашнюю сцену.

– Спасибо, Влад! – на мгновение Светлана повернулась к телохранителю и подарила ему благодарную улыбку. Но ее внимание тут же переключилось на сына.

– Валечка! – совершенно по-старушечьи ахнула Галина Георгиевна, и слеза побежала по ее напудренной щеке.

– Всем доброе утро! – улыбнулся принц. Валентин окинул внимательным взглядом дом и родных – и немедленно начал действовать. Он обнял мать и заверил, что долетел отлично, и вообще все у него в полном порядке. Потом расцеловал бабушку и в два счета осушил ее слезы, заявив, что она стала еще красивее, чем была. Галина Георгиевна расхохоталась и поцеловала внука в лоб.

– Юный льстец! – проговорила она довольным басом.

Валентин не выказал ни малейшего удивления при виде меня, и я сообразила, что мальчик хорошо воспитан. Светлана нас познакомила.

– Как ты похудел! – всплеснула руками Кричевская. – Просто скелетик!

На мой взгляд, Валентин ничуть не напоминал скелет, юноша был стройным и невысоким, астенического телосложения. Он едва заметно усмехнулся и заявил, что весь полет смотрел на облака и мечтал о плюшках. Немедленно закипела суeta – мальчика надо было накормить, а плюшки пеклись к его приезду с самого утра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.